

Льюис Шайнер
РАЗОЧАРОВАНИЕ

Перевод с английского Сергея Артемова
Редактор Iryna Kadol, USA

Lewis Shiner
Perfidia

Copyright © 2004 by California Institute of the Arts.
Перевод © С. Артемов, 2007

- Это Гленн Миллер, сказал мой отец. – Но этого не может быть.

Он перевел изголовье больничной койки в вертикальное положение. Нижнее веко левого глаза поползло вверх. Известное с детства предупреждение. Моя старшая сестра Анна, откинувшись в глубоком кресле, тоже осуждающе уставилась на меня. Ей не нравилось, что я завожу отца. Портативная стереомагнитола стояла на раздаточном столике и отец, разговаривая, манипулировал пультом. Прокрутил назад свежезаписанный компакт-диск и включил воспроизведение. Зазвучала не слишком качественная запись соло на тромбоне.

- Мелодию ты, конечно, знаешь, сказал он.

- Кинг Портер Стомп. – Годы прослушивания пластинок Гленна Миллера в детстве, в конце концов, дали желанный результат.

- На записи фирмы «Виктор» он фальшивит точно также.

- Так почему же это не Миллер? – спросил я.

- Он с таким сбродом не выступал бы. – Музыканты играли вразнобой, на грани хаоса, что-то между диксилендом и би-бопом. – Похоже, они пьяные.

Музыка Миллера навевала отцу волнующие воспоминания. Они с мамой танцевали под оркестр Миллера в казино «Глен Айленд» на берегу пролива Лонг Айленд летом 42-го года, когда им было по шестнадцать. Характерное звучание кларнета и четырех саксофонов для него навсегда было связано с первой любовью и первыми идеалистическими месяцами войны.

Но существовала и более веская причина, почему это соло не мог исполнять Миллер. Если дата на оригинальной записи была верной, он должен был погибнуть тремя днями раньше.

Дата была выведена тушью на кусочке медицинского пластыря, приклеенного сверху катушки со звукозаписывающей проволокой. Цифры проставлены от руки, в кавычках, число указано по-европейски, день, потом месяц: 18/12/44. Я приобрел эту катушку за неделю до этого на аукционе eBay, как часть лота, который включал проволочный магнитофон и пачку грампластинок на 78 оборотов с записями звезд французской эстрады Шарля Трене и Эдит Пиаф.

У меня ушло два полных дня, чтобы перекинуть содержание катушки в компьютер. Закончив перезапись, я пришел к отцу, чтобы убедиться в свершении несбыточной надежды – я сорвал БОЛЬШОЙ КУШ. находка, которая станет легендой в мире коллекционеров, как покупка первого издания «Гекельбери Финна» на домашней распродаже или обнаружение картины Рембрандта под пейзажем 19 века.

На моем Интернет сайте у меня было все: от механического пианино фирмы «Аполло», радиоприемника «Филко» 30-х годов, и до оригинального музыкального автомата «Вурлитцер», модель 1015. И каждая вещь тщательно отреставрирована. Во времена Интернет-бума я поставлял скороспелым миллионерам из Силиконовой Долины дорогие раритеты, едва успев их найти и привести в порядок. Реставрацию проводил вместе с тремя постоянными работниками на арендованном складе. Последнее время я больше сидел в своем гараже за браузером, чем занимался прочесыванием блошиных рынков и магазинов старьевщиков, в которых вряд ли что уже найдешь, и мне опять нужен был успех. И не только ради свободы и материального обеспечения. Меня возбуждала охота,

ощущение исполнения нечто важного, спасение ценных кусочков истории.

Или в данном случае переписывание истории.

Мелодия на диске закончилась. Послышался шум передвигаемых стульев и неразборчивые пререкания, кажется, на французском. Затем оркестр неслаженно заиграл «Перфидию», великолепную балладу о неверной любви. Это была любимая песня моей мамы.

В глазах отца отразилось смятение и первые признаки гнева. – Ты где это достал?

- На аукционе. Что-то не так?

- Все. – После инсульта отец невнятно произносил слова. Правая рука, неудобно изогнувшись, лежала поверх простыни. Все началось с заболевания диабетом в 76, и с тех пор, в последние восемь месяцев, жизнь для него потеряла всякий смысл. С нарастающей беспомощностью и тревогой он наблюдал, как постепенно тело отрекалось от него: сломанное бедро, флебит, периодонт, а теперь еще и инсульт. Как будто кончилась гарантия, и все сразу пошло вразнос. Все, что он делал для себя в течение пяти лет после смерти моей матушки, внезапно стало для него недоступным: мытье посуды, смена постельного белья, даже покупка продуктов. Он часами мог бродить по рядам, изучая ингредиенты на банках консервированной кукурузы, сравнивая доли фунта, которыми отличалась одна упаковка от другой, подавленный информацией, которая когда-то что-то для него значила.

- Кто эти люди? Почему они так играют?

- Не знаю, - сказал я. – Но выясню. Слушай дальше.

С компакт-диска раздался крик из аудитории, затем что-то вроде треска малого барабана или выстрела. Оркестр замолчал, на этот раз окончательно, потом послышались крики, звуки ломающейся мебели и разбиваемого стекла, и затем наступила тишина.

- Выключи, - попросил отец, хотя все и так уже закончилось. Я вынул компакт диск и переставил стереомагнитола на подоконник. – Это какая-то подделка, - наконец сказал он, больше себе, чем мне. – Они могли взять это соло с одной записи и смонтировать его на фоне другого сопровождения.

- Я переписал эту вещь с проволочного магнитофона. И заплатил не так уж и много, чтобы перепроверять ее. Но теперь проверю.

- Обязательно. Я хочу знать, что за псих мог сострять это. – Он слабо махнул левой рукой. – Я устал. Идите домой. Оба. – Было девять вечера. В окно светили огни центра Дарема. Я настолько сосредоточился на записи, что потерял чувство времени.

Анна наклонилась, поцеловала его и сказала: - Если что, я тут рядом.

- Я чувствую себя хорошо. Иди, поешь. Или отправляйся в мотель и поспи, ради Бога. – Отца поместили в больнице для участников войны в Северной Каролине, при Университете Дюка, и Анна прилетела из Коннектикута, чтобы быть рядом с ним. Я предложил ей остановиться у меня, в комнате для гостей, в 25 милях от Роли, но она настояла на том, чтобы находиться как можно ближе к больнице.

В холле ее гнев вылился наружу. – К чему все это? – прошипела она.

- Он впервые так оживился после инсульта. Думаю, это ему на пользу.

- А я нет. Мог бы сначала посоветоваться со мной. – Высокий рост и ширококостностная фигура Анны всегда были предметом насмешек в школе. Насколько я помню, она всегда вела себя сдержанно, слегка горбилась и вместо крика переходила на шепот.

- Тебе действительно так нужно слушать, о чем мы с ним говорим?

- Несомненно. И дело не во мне, а в том, чтобы он пошел на поправку.

- И я хочу этого.

- Но это я рядом с ним, днем и ночью.

Было понятно, к чему все опять возвращалось. Снова о матери. – Мне надо идти, - сказал я. Она неохотно позволила себя обнять. – Ты бы вняла его совету и отдохнула.

- Я подумаю. - Но как только двери лифта закрылись, я представил, как она стоит, уставившись в пол, в коридоре рядом с его палатой.

Дома меня ждал Е-мэйл от продавца. На мой первый запрос о магнитофоне она ответила настороженно. Хорошо поработав над следующим посланием, я предложил ей десять процентов от окончательного барыша со сделки, но не более тысячи баксов, при этом умалил вероятность его продажи и одновременно сыграл на ее упущениях – без указания происхождения предметы торга фактически не имели ценности для меня.

Она купилась на это и призналась, что приобрела все в одной из лавок на блошином рынке Вернэзон, являющегося частью огромного «муравейника» барахолки в Сент-Уэне, на северной окраине Парижа. В какой именно она забыла, но запомнила старика с длинными седыми волосами, потертый ковер на грязном полу и множество часов в виде Микки Мауса.

Вернэзон я знал. Один из моих конкурентов держал там магазинчик качественной аппаратуры. Конкурентом была женщина по имени мадам Би. Описание лавки старьевщика мне ни о чем не говорило, но от одного только упоминания этого района Парижа у меня вспотели ладони.

Мой бизнес давал мне возможность следить за историей музыки. Я уже много знал о гибели Миллера и прошлым вечером опять прошелся по своим книжным полкам. Предположительно, Миллер вылетел с аэродрома «Твинвуд Фарм», расположенного к северу от Лондона, в пятницу, 15 декабря 1944 года. Он должен был лететь в Париж, для организации концертов со своим Армейским оркестром военно-воздушных сил, но самолет в место назначения так и не прибыл. Из доброй дюжины легенд, оспаривающих официальную версию, наиболее настойчивая из них утверждает, что он вылетел за день до этого, и получил смертельное ранение 18-го числа в пьяной драке в районе красных фонарей, Пигаль. Пляс Пигаль располагалась на расстоянии короткой поездки на такси от Отеля Олимпиад, в котором должен был остановиться оркестр. Сам Отель Олимпиад был практически рядом с рынком Вернэзон.

Я вышел в гараж посмотреть на проволочный магнитофон, стоящий на скамейке. Корпус был снят, и сбоку виднелись очаровательно пузатенькие лампы. На eBay фото я узнал в нем модель Armoir 50, которую «Дженерал Электрик» выпускала для Армии и ВМФ, хотя до этого я такую непосредственно не видел. Передняя панель была размером меньше конверта долгоиграющей пластинки и скошена назад почти до линии задней панели. Установленные в верхней части две катушки имели в диаметре примерно четыре дюйма каждая, толщину в один дюйм. С катушки на катушку перематывалась магнитная проволока толщиной с человеческий волос. Больше всего магнитофон напоминал мне 8 мм кинопроектор Bell & Howell, которым наш отец мучил нас в детстве, показывая подневольной аудитории, состоящей из приглашенных на обед гостей, свои домашние фильмы, главными героями которых были Анна, я и наша мама с ее ослепительной красотой 30-х годов.

Когда я получил магнитофон, он не работал. Но мне повезло. Сдунув пульверизатором полувекую пыль с электроники, я обнаружил обломок проволоки, который упал внутрь аппарата и вызвал замыкание. Мне осталось только, убрать обломок и заменить сгоревшую генераторную лампу целой, которая была у меня в моем обширном резерве запчастей. Ну, и, конечно, прочистить саму проволоку

Суть заключалась в удалении коррозии, не нарушая при этом магнитных свойств металла. Восемь часов я пропускал проволоку через сложенную вдвое нейлоновую чистящую подушечку, пропитанную для удаления ржавчины средством WD40. С помощью подающего механизма аппарата я равномерно наматывал проволоку на катушку, периодически останавливаясь, чтобы убедиться в сохранности проволоки. Затем перекинул временный шунт от встроенного динамика через усилитель на восьмидюймовый штекер, который вставил в ноутбук. С исключительной осторожностью я оцифровал запись в .wav файл и еще час работал над нею с помощью редактора CoolEdit

Про, едва сдерживая дрожь в руках, когда понял, что заполучил.

Когда я утром пришел в больницу, отец читал газету. Анна была в том же платье, что и накануне. Круги под глазами у нее и до этого были, так что трудно сказать, стали они еще глубже или нет. – Ты сегодня рано, - сказала она с улыбкой, едва скрывавшей сарказм.

- Сегодня вечером улетаю в Париж.

- Неужто?

- Собираешься разузнать о пленке? – спросил отец.

- Вот именно. Мой тур агент достал мне горящий билет.

- Тебе повезло, - сказала Анна.

- Бизнес есть бизнес, Анна. – Я подавил в себе раздражение. – Эта запись может стоить целого достояния.

- Конечно, может, - ответила она.

- Смотри, не переплати этим французам больше положенного, - сказал отец.

- Ну, папа, - ответил я. – Не начинай.

- Во время Второй Мировой мы спасали эту страну, а теперь -.

- Не надо политики, - сказала Анна. – Запрещаю говорить о ней.

Я присел на край кровати. – Ты еще поживешь, пап? По крайней мере, пока я не вернусь?

- А с чего мне ждать тебя?

- Потому что ты хочешь знать, чем это все обернется.

- Мне и так ясно, что это подделка. Но приятно будет напомнить, что я тебе об этом говорил. Даже после всех этих лет мне это, как хорошее вино, еще не надоело.

Я наклонился, чтобы обнять его, и отец с неожиданной силой обхватил меня за спину левой рукой. Он два дня не брился, и от него исходил крахмальный запах больничного мыла. – Я серьезно, - сказал я. – Береги себя.

- Да, да. Если закадришь французскую девчонку, спроси, помнит ли меня ее мама.

- Я думал, ты только в Германии воевал. – Его часть освобождала Дахау, но он никогда об этом, да и вообще о войне, не говорил.

- Было дело, - он пожал плечами. Его левая рука ослабла, и я отстранился. –

Деревянные евро не бери.

Как я и думал, Анна проводила меня за двери палаты. – Когда вернешься, его уже не будет. Также как и ---

- Знаю. Знаю. Также как и с мамой. На это уйдет меньше недели. С ним ничего не случится.

- Он не дотянет. – Она заплакала.

- Поспи, Анна. Тебе действительно надо поспать.

Я сам во время перелета спал урывками. От напряжения и усталости не мог ни расслабиться, ни читать. Но как только сел в электричку, идущую из аэропорта ДеГолль в Париж, настроение мое улучшилось. Несмотря на щиты с рекламой шустрого мышонка Гонсалеса, модельного агентства Marilyn, Диснейленда, телешоу *Dawson's Creek*, серый октябрьский день с моросью за окном поезда не напоминал Штаты. Крошечные гибридные автомобили, коробки с цветами на окнах, даже приземистые, многоквартирные дома, продукт неудачного дизайна архитектурной школы «Баухауз» доказывали, что можно жить и без излишеств. Но моя страна не хотела следовать такому примеру.

Мне повезло, и я снял номер в отеле, где я обычно останавливался, небольшой семейной гостинице в XVII округе, недалеко от узловой станции метро на Пляс де Клиши. Чуть далее располагались Монтмартр и Пляс Пигаль. На рынке, на противоположной стороне улицы, я купил свежих фруктов, и обменялся любезностями с продавцом, который помнил меня еще с прошлого пребывания. Хозяин отеля тоже не забыл меня и нашел мне номер, окна которого выходили в вентиляционную шахту, а не шумную улицу.

Крошечную комнату почти полностью занимала кровать, которая стала манить меня,

едва я успел закрыть дверь. Я знал, что если выдержу и не свалюсь спать до 10 или 11 часов, мои биологические часы перестроятся. Усилием воли я распаковал чемодан, выпил немного соку и умылся.

- Ну, что, - сказал я, глядя в зеркало, – Вперед и с песней.

Четвертая линия метро заканчивалась на станции «Порт де Клиньянкур», самой близкой от блошиных рынков остановке. Я поднялся из метро, вышел под мелкий дождик и очутился в пешеходном потоке почти одних мужчин, большей частью негров и /или ближневосточных арабов, одетых в джинсы, кеды и кожаные куртки. Все с мобильниками, все быстро говорили и энергично куда-то спешили.

Я направился на север в сторону авеню Порт де Клиньянкур. Через пару кварталов пошли торговые ряды временных брезентовых палаток с алюминиевым каркасом. Тут продавали в основном новые вещи: индийские шали, африканские маски, инструмент, джинсы, батарейки, туфли. Но все это звучало отдаленной музыкой, прелюдией к предстоящим возможностям.

Я прошел под бульваром Периферик - окружной городской дорогой, и слева открылось небольшое поселение блошиных рынков, окруженных цепочками автомобилей и кучками народа. Здесь торговые места были постоянными, в виде одноэтажных лавок из кирпича или шлакобетона с рулонными металлическими гаражными дверьми вместо передней стены. Лавки были забиты потрепанной мебелью, одеждой, книгами и ювелирными украшениями. Дальше, в глубине, на рынках антиквариата Дофин и Серпетт, пойдут магазинчики со стеклянными дверьми, восточными ковриками, антикварными столами и люстрами.

Пройдя на север еще один квартал, я свернул влево на Рю де Розьер, главную улицу района. Где-то посреди квартала скромная металлическая арка с белыми Десо буквами на синем фоне обозначала вход на рынок Вернэзон. Открытые дождю проходы серпантинном вились среди пары сотен торговых мест, часть из которых представляли собой ухоженные прелестные магазинчики, как у моей знакомой мадам Би, а часть - пыльные, огромные чуланы, набитые разным тряпьем. Как и на любом рынке антиквариата, лучшими покупателями у торговцев были сами торговцы. Мимо меня промчался месье с широким белым галстуком из полиэстера, в плохо скроенном парике и с еле скрываемым выражением триумфа на лице. В каждой руке он держал по небольшой белой колонке.

Универсальная лавка мадам Би находилась в центре рынка, угловое строение с раздвижной стеклянной дверью, потускневшими стенами и толстым, песочного цвета ковром, выгодно оттеняющим филигранные деревянные корпуса патефонов «Викторола», ее фирменного товара. Мадам Би разговаривали с мужчиной официального вида, облаченным в костюм и черный плащ. Я остался на улице и любовался очаровательным кукольным театром 19-века, пока он не ушел.

- Бонжур, Франсуа, - почти пропела она. Я поднял глаза и увидел ее в проеме двери. На вид лет 50, чуть старше меня. Черные волосы, подстриженные, как всегда, до уровня плеч, и строгая черная челка сочетались с очками в черной оправе, длинным черным классическим платьем и черным мундштуком.

- Проблемы? – спросил я, кивнув в сторону человека в плаще.

Она покачала головой и протянула руку, как для поцелуя. – Как мило видеть тебя. Ты за покупкой или просто так, посмотреть? – Она говорила со мной в основном по-английски, а я старался отвечать ей, насколько мог, по-французски.

- Ищу одного человека. – Пока мы обменивались любезностями, я показал ей фотографии проволочного магнитофона. Дела у нее шли также неважно, как и у меня – денег ни у кого не было, а из-за 11 сентября и войны в Ираке, американские туристы практически все исчезли.

Наконец, она ткнула длинным, красным ногтем в одну фотографию. – А этот товар, - сказала она, переходя на сленг eBay, как и многие в ее бизнесе, - не мой.

- Мне сказали, что он с Вернэзона. Вроде бы выставил его старик с длинными седыми

волосами?

- Что-то знакомое. Когда попадаетея вещица, которая мне интересна, но немного дороговата, я денек выжидаю, надеюсь, что человек придет в чувство, прихожу, а она, voilà, ушла.

- Ты не помнишь, кто это был?

- Думаю, Филлип из 9 ряда? Давай-ка посмотрим.

Она закрыла магазинчик и, не обращая внимания на дождь, привычка большинства парижан, быстро зашагала вперед. На рынке было всего девять рядов, которые шли в направлении примерно с севера на юг. Но я никак не мог запомнить, где стоит тот или иной продавец, и неоднократно запутывался вконец.

Девятый ряд оказался трущобами рынка Вернэзон, заваленными поломанным старьем, попадающим сюда, как на последнюю остановку перед свалкой. Возникал интересный вопрос, за счет чего здешние продавцы оплачивали свои места, какое удовольствие они получали оттого, что выходные напролет торчали среди куч бесполезных и отвратных предметов, даже не реагируя остекленевшими глазами на немногочисленных покупателей, торопливо проходивших мимо.

На повороте, где 9 ряд, изгибаясь, уходил на восток и обрывался у рыночного кафе, сидел человек, лет шестидесяти. Закрыв глаза, он слушал заезженный виниловый диск на переносном электропроигрывателе, почти таком же, который был у меня в школьные годы. Длинные седеющие волосы, авиаторские очки, клетчатая фланелевая рубашка и аскотский галстук. Лавка соответствовала описанию продавщицы с eBay вплоть до изношенного ковра и предметов коллекционирования в стиле Микки Мауса. Тут же была выставлена и электронная аппаратура: дешевая катушечная дека начала 60-х годов, портативные рации, аналоговый осциллоскоп и карманный транзистор.

- *Bonjour*, Филлип, - снова пропела Мадам Би. Но тот и ухом не повел. – Это мой друг, Франсуа, - продолжила она на французском. - Он хочет кое-что узнать о вещице, которую, очевидно, продал ты.

- Женщине из Штатов, - сказал я, выкладывая фотографии на практически пустой стол.

Филипп, казалось, жил совершенно в другом темпе, чем мадам Би. Медленно поднимая, одну за другой фотографии, он пристально рассматривал их, как бы ища, что могло бы его на них развеселить.

- Устройство для записи, – сказал я, надеясь растормошить его. – На проволоку. – Не знаю, как оно по-французски называется.

- Мне нужно обратно в магазинчик, - сказала мадам Би. – Удачного поиска.

Я расцеловал ее в обе щеки, и она умчалась прочь, унося за собой из лавки последние остатки энергии. Филипп, наконец, вздохнул, положил последнее фото на стол и выразительно пожал плечами.

- Ну, что, - сдерживая нетерпение, сказал я, - ваш?

- Может быть. – Его голос был едва слышен сквозь музыку.

- Я не представитель властей, - сказал я, вспомнив человека в черном плаще. – Меня не интересует, платите ли вы налоги, или как ведете свои счета. Я просто хочу знать, где вы это достали. Я такой же дилер, как и вы, но мне важен источник вещи. Я правильно выразился? *Источник?*

Он медленно кивнул. – Тут много что приходит и уходит. За всем трудно уследить.

- Но это очень необычная вещь, не так ли? Полагаю, у вас таких было немного.

Он снова пожал плечами. Похоже, мы зашли в тупик. Пару минут я оглядывал его лавчонку, примерил солнцезащитные очки, просмотрел почтовые карточки, стараясь придумать, чем бы его зацепить.

- Вам нравится Жак Брель? – Я показал на проигрыватель.

- Конечно. Слышали о нем?

- Немного. Мне нравится, что он ушел со сцены, когда устал от нее. И что отказался от гастролей в США из-за Вьетнама.

- Вы американец или англичанин?

Скрытый комплимент заключался в том, что я выдал себя не сразу. – Американец, - ответил я, - но сейчас не горжусь этим.

Он кивнул. – У вас сейчас очередной Вьетнам. – Он показал на проигрыватель. – Слышали эту запись?

Я узнал только голос и рискнул сказать правду. – Нет.

- И не могли слышать. Его первая пластинка; выпущена только во Франции.

- У вас есть записи радиопередач 53-го года?

- Есть. Они интересные, но на компакт-диске. А цифровое звучание слишком холодное, по-моему.

Не знаю, почему потрескивания и шорохи делают запись боле привлекательной, но знал, что многие со мной не согласятся. – Они есть и на виниловых дисках, но на – как это по-французски? – контрафактных.

- Мы их тоже называем “контрафактными”. А такой диск у вас есть? Никогда не слышал о нем.

- Есть у моего друга. Если дадите адрес, с удовольствием пришлю вам.

- С чего вдруг? – Вопрос был не столько враждебным, сколько, к моему удивлению, скептическим. – Вам нужна информация?

- Потому что для вас этот диск значит больше, чем для того человека, у которого он есть. А этот человек в долгу передо мной. Мне это ничего не стоит.

Он немного помолчал, затем показал на проигрыватель и сказал: - Слушайте. – На записи Брель внезапно сердится и с театральной яростью начинает бросаться словами. Меня это оставило равнодушным, но Филипп был тронут.

Когда песня закончилась, Филипп сказал: - Я слушаю эту запись вот уже 35 лет. И никак не могут поверить, что человек может быть таким ... простым и искренним в своих эмоциях.

- Да, - сказал я. – Полностью понимаю вас.

Он взял из стаканчика на столе желтый карандаш, оглядел его, и остро заточил небольшой точилкой. Достал из деревянного ящичка пустую каталожную карточку, и витиеватым почерком вывел на ней свое имя и адрес. Затем постучал ребром карточки по столу, как бы стряхивая крошки графита, и вручил ее мне.

- Очень приятно, - сказал я по-французски и протянул руку. – А я - Фрэнк. Фрэнк Делапорт.

В ответ он твердо пожал мне руку. – Приходите в понедельник, после полудни. Что смогу, узнаю.

Когда я вышел со станции метро “Пляс де Клиши” уже темнело. Я позвонил в Штаты по мобильнику и договорился, чтобы Филиппу выслали экспресс-почтой пиратский диск Жака Бреля. После завершения всех дел на меня накатила такая усталость, что я чуть не отключился. Понимая, что если вернусь в отель, то тут же усну, я направился по бульвару Батиньоль в “Ле Монт Лебан”, мой любимый местный ресторанчик. У меня никогда не хватало духа сказать им, насколько коряво они перевели на английский свое меню:

“Филейное кружево из сырого барашка, со спецами”, “Печень цыпленка, обжаренного лимоном”, и мое любое блюдо “Пицца девушки в мясе, с помидорчиками”.

Меня усадили за столик на двоих у окна. Я вспомнил то время, когда сразу после окончания колледжа круглыми сутками пахал в одной фирме, торгующей электроникой. Тогда я предпочитал питаться один, но сейчас, когда тебе под пятьдесят, и ты уже три года как в разводе после долгих лет совместной жизни, это смахивало на проклятье. Мне нравилась моя работа, особенно, когда от обилия сделок я начинал воображать, что мне удастся обратить вспять сваливание этого мира в энтропийный хлам. Но в то же время понимал, что ничего нового в этот мир я не привнес. Ни свежей музыки, ни детей, ни преобразующих инноваций. Такой жизнью, как моя, мог вполне довольствоваться мой отец. Он был солдатом, потом коммивояжером, долгов не набирал и намеревался оставить

этот мир в лучшем состоянии, чем он ему достался. Так что, в общем, я был счастлив. Мне не хватало лишь чувства значимости, или другими словами, мне хотелось поделиться этим счастьем с той, которая была бы рядом.

Откушав с наслаждением сушеные бобы с турецким горохом в соусе из тахини и айрана, мутабал, фалафель, и мужаддара (пюре из чечевицы с рисом по-ливански), я подумал, что моему отцу здесь понравилось бы. Мальчишкой я дважды был с ним в Европе. И всякий раз отец с любопытством и пониманием приступал к освоению нового национального блюда, пока матушка отламывала небольшие кусочки крекера “Солтайнс” и заказывала расхожий гамбургер.

От таких воспоминаний мне вдруг захотелось срочно позвонить ему. Я оплатил счет и вышел в ночь. Парижане прогуливали собак, торопились в вечерних платьях в сторону метро или возвращались домой с бутылочкой вина и завернутым в бумагу багетом. Еле заметные отличия от родной обстановки – мелодичный фон едва слышимых голосов, оттенки уличного освещения, надписи на витринах магазинов – раскрепощали и опьяняли.

Приняв душ, я лег в постель и позвонил в больницу. Голос отца звучал тихо, но радостно. Анна старалась не подавать вида, как она “затюкана”. От усталости я ничего ей не сказал и, повесив трубку, тут же заснул.

Было бы странным, приехать издалека и не продолжить свои поиски в воскресенье. В семь часов меня поднял будильник. По 13 линии метро я проехал через весь город до Порт де Ванвес и все утро провел на блошином рынке. Для себя я ничего не нашел, но приобрел несколько винных этикеток для отца. После выхода на пенсию он удовлетворял свои запросы в этом направлении. К часу дня торговцы антиквариатом стали сворачиваться и их места занимали продавцы новой одеждой. Солнце прожгло дыры в утренних рваных облаках и меня вдруг очень потянуло на берег Сены к острову Иль де ля Сите.

Циники говорят, что Париж, полный влюбленных, - это миф. Но мне они попадались повсюду. Девушка в вагоне метро до Сен-Мишеля, обнимала за шею своего парня, прижималась к нему, целовала его, что-то шептала и опять целовала. Насилу отведя от них взгляд, я увидел напротив женщину, тоже наблюдавшую за ними. Ей было около сорока, блондинка с очень короткой стрижкой и обветренным, приятным лицом. Со смущенным пониманием она улыбнулась мне и уткнулась взглядом себе в колени.

На бульваре Сен-Мишель во всю светило солнце. Парижане вперемешку с туристами теснились за крошечными столиками кафе. Я перешел на Иль де ля Сите и увидел, как вдоль южной стороны Нотр-Дама, под деревьями, с которых уже облетала листва, прогуливались на ветру, парочки, держась за руки.

Не спеша, я прошел на мост Сен-Луи, закрытый по воскресеньям для автомобилей, и остановился послушать кларнетиста с пианистом, которые выкатили небольшое пианино прямо на мост. Вид был восхитительным: на север – ширь Сены и старинный Отель де Вилль, за спиной - взмывающие к небу шпили Нотр-Дама; справа - старинные, извилистые улочки Латинского Квартала; прямо передо мной - элегантные особняки 17 века острова Сен-Луи.

Толпа туристов, человек тридцать-сорок, слушала с разумного расстояния. Среди них, почти рядом с музыкантами, я заметил блондинку, с которой ехал в метро. Пальто с сумочкой лежали рядом на мостовой. Короткое платье подчеркивало стройную фигуру и крепкие ноги.

Именно они и привлекли мое внимание. Блондинка двигала ими в ритмическом рисунке свинга Восточного Побережья: рок-степ, трипл-степ, трипл-степ. Пространство вокруг позволяло ей к тому же покачивать бедрами. Я принял это за международный сигнал бедствия, означавший: «Потанцуй со мной».

Пока я решал, отвечать или нет, музыканты закончили «Нью-Йорк, Нью-Йорк» и заиграли классическую мелодию Бенни Гудмана “Не будь такой”. Этого я уже не мог выдержать. Подошел и протянул ей левую руку. Она предупредительно подняла палец вверх, уложила пальто с сумочкой рядом с пианино, вернулась обратно, взяла мою руку и

улыбнулась. На ее щеке проступил едва заметный, неровный шрам. Я развернул ее лицом к себе, положил правую руку на спину и в танце вывел на середину моста.

Живо и чутко, с хорошим чувством ритма она следовала за мной, легко переходя с шестидольного на восьмидольный рисунок, с ее лица не сходила улыбка. Это была одна из моих любимых песен. На реке искрилось солнце, над мостом, радостно крича, кружили чайки. И я понял, вот оно то редкое мгновение – прекрасное, но сиюминутное.

- Фрэнк, - представился я, когда закончилась мелодия. – Ты великолепно танцуешь. – И спохватившись, спросил: - *Est-ce que tu parle anglais?*

- Сэнди, - ответила она. – Я - англичанка.

- Из Манчестера?

- Родом, да. Сейчас живу в Лондоне. А ты молодец – большинство американцев не могут отличить шотландца от валлийца. И тоже хорошо танцуешь.

- Спасибо. – Дуэт заиграл “Лунное сияние”. – Потанцуем?

После “Лунного сияния” они заиграли “В настроении”, может быть, самый непреходящий хит оркестра Миллера.

- Ты что смеешься? – спросила Сэнди.

- Гленн Миллер, - сказал я. – Потом расскажу.

К нам присоединились еще две пары. Музыканты ради нас разошлись во всю. Кларнетист задрал свой инструмент прямо в небо. Пианист оттолкнул стульчик и заиграл стоя. Они сыграли еще пару соло, но мне хотелось танцевать и танцевать. Когда дуэт закончил играть, я низко наклонил Сэнди, подержал ее так секунду, две, а затем все зааплодировали. Я кинул банкноту в пять евро в футляр для кларнета, музыканты укатали пианино, и все на этом закончилось.

- Отлично – воскликнула Сэнди. – Просто чудесно. Чашечку кофе, рюмашку или как?

Мы перешли на Иль Сен-Луи. Я едва сдержал себя, чтобы не взять ее за руку. – Что ты делаешь в Париже? – спросил я.

- Недельный отпуск. Завтра заканчивается, как ни печально. А там поезд и обратно на Оксфорд Стрит в «Маркс и Спаркс». – Она оглянулась и посмотрела на меня.

- Это - .

- Знаю. «Маркс и Спенсер». Бывал там.

- А тебе, как я смотрю, дома не сидится. Здесь по делам?

Пока мы стояли в очереди за горячим шоколадом в безнадежно переполненном кафе, я рассказал ей о проволочном магнитофоне и Гленне Миллере. Охваченный интимным очарованием танца, я говорил безо всяких опасений. Но, перейдя к тому, как они бухали с проститутками, я заметил, что она изменилась в лице.

- Но это же просто ужас, - сказала она. – И что ты собираешься делать с этой записью?

- Выставлю на аукцион, скорей всего.

- А это не вызовет скандал? Все же этот человек - герой войны.

Мой романтический флер потихоньку испарился и я стал корить себя за то, что так быстро потерял голову, и возомнил, что слаженные движения в танце могут означать нечто большее. – Наше правительство лгало нам о Гленне Миллере точно так же, как оно солгало нам об оружии в Ираке.

Она покачала головой. – Не выношу, когда люди говорят подобным образом о своих лидерах. Это так неуважительно.

Во мне закипало раздражение. Политические споры всегда заканчивались тем, что мне начинали напоминать о моей беспомощности. Что мой голос против мощи комитетов политического действия, огромных денег групп влияний и СМИ? Допив какао, я отшвырнул стаканчик.

- Спасибо за великолепный танец, - сказал я вполне искренне. – Мне надо идти.

И пошел, но она схватила меня за руку. Пальцы у нее были сильные. – Подожди.

Я стоял, сунув руки в карманы. Не обращая внимания на мою оборонительную позу, она обхватила меня за талию и уткнулась лицом в грудь. От ее волос исходил душистый

запах.

- Завтра мне надо возвращаться к своей убогой и скучной жизни, и я хочу продлить нашу с тобой встречу. Пожалуйста? Давай просто поужинаем и немного повоображаем? Может, потанцуем? Не будем говорить о политике, Гленне Миллере и других важных делах. Давай сегодня вечером побудем совершенно другими людьми. Согласен?

Бессознательно, я обнял ее. – Да. Конечно. Почему бы и нет.

Она подняла на меня свои полные страсти серые глаза, широко улыбнулась и быстро поцеловала меня, да так сладко и неожиданно, что остатки моих твердых намерений окончательно улетучились.

Она повела меня на птичий рынок у входа на остановку метро Сите. Здесь продавали разных зверушек от хомяков и австралийских попугаев, до шиншиллы и сусликов. Точно в духе нашей договоренности, я подавил угрызения совести по поводу клеток и полностью занялся развлечением Сэнди. Выйдя из рынка, мы пересекли Сену и прошли к фонтанам в виде гигантских игрушек в Центре Помпиду. Там поглазели на клоуна, жонглирующего факелами на огромном одноколесном велосипеде. Потом прогулялись в многоярусных садах Лес Халлес. Там, когда наступил закат, мы взялись за руки. Поужинали в индийском ресторане, рядом с моей гостиницей. Мы избегали неудобных тем, типа несхожих мнений о фильмах, и старались подольше говорить о чем-нибудь безобидном, о нашем далеком прошлом, или местах, где я побывал, и куда она стремилась попасть. Совместными стараниями мы стали ближе, как будто выполнили учебное задание.

На улице, когда мы вышли, уже поднялся ветер, и похолодало. Чтобы согреться, она нырнула ко мне под левую руку. Я распахнул пальто, прикрыл ее, повернул ее лицо к себе, и поцеловал. Она пахла кардамоном и вином. Губы сначала напряглись, затем, сдавшись, раскрылись.

- У тебя есть, куда нам пойти? – прошептала она.

- Моя гостиница на этой улице.

- А у тебя есть, ну, сам знаешь -

- Кондомы? Да. Не думал, что воспользуюсь ими, но –

- Такие дела трудно предугадать.

В номере между нами опять возникла напряженность. Все пространство заполняла двуспальная кровать, две небольшие прикроватные тумбочки и небольшой холодильник. С потолка свисал телевизор, стенной шкаф был небольшим и без дверки. Я закрыл окно, выходящее в вентиляционную шахту. - А тут холодно, - сказала Сэнди.

- Знаю, - ответил я. – Извини. – Сбросил с себя пальто и взял ее. – Снимай туфли и забирайся в постель. Сейчас я тебя согрею.

Под скрип пластикового матрасника мы устроились на кровати. Не раздеваясь, я натянул на нас одеяла, и ничего не говоря, минуту или две сжимал ее в объятиях. Прислушиваясь, как она дышит, незнакомо, но успокаивающе; я ощущал, как ее спина потихоньку расслабляется. Уткнувшись носом ей в шею, я вдыхал тепло ее кожи, затем стал целовать шею, ушко, рот. Не торопясь, мы освободились от одежды, скинули ее на пол. Я натянул кондом, и прикрыл поцелуями ее груди, маленькие, сжатые соски, постепенно перемещаясь вниз с желанием вкусить ее лоно. Давно у меня не было женщины.

- Ммммм, - застонала Сэнди. – Чудесно, но должна тебя предупредить, что я все равно не кончу.

- Не кончишь?

- Не с мужчиной. И даже не с тобой, если хочешь знать. Я тебе очень признательна, ты такой внимательный, так что не останавливайся, наслаждайся.

- Что с тобой?

- Не беспокойся, все прекрасно. И ни слова больше. Люби меня, прошу.

Я и так весь вечер прометался между желанием и раздражением, поэтому отбросил всякую рассудительность и дал волю своему телу. Войдя в нее, я услышал, как она

зашептала: - Да. О, да.

Позже я спросил ее о шраме.

Помолчав, она твердо и бесстрастно рассказала: - Года четыре назад поздно вечером я возвращалась из клуба домой. Какой-то мужчина в подшлемнике – так, кажется, он называется?

- Лыжная маска.

- Да, она самая. В руке у него была разбитая бутылка. Он затащил меня на парковку. Я была настолько ошеломлена, что и не думала орать, пока не стало слишком поздно. Он приставил осколок стекла к моему горлу и сорвал с меня колготки. За все это время он не произнес ни слова. Завершив свое дело, он чиркнул осколком бутылки по моей щеке, как бы в знак отвращения ко мне.

- Бог ты мой, извини.

- У меня был мобильник. Я позвонила в полицию. Он даже не успел отойти далеко. Мне повезло – его поймали и посадили, но дали всего два года. Именно тогда я и уехала из Манчестера. Я знаю, что и в Лондоне хватает шансов попасть в подобный переплет, но в Манчестере я просто больше не могла чувствовать себя в безопасности, понимаешь?

Я просто не знал, что и делать, что сказать. Мы лежали обнаженными, и я боялся ее обнять, поэтому просто взял ее за руку.

- После такого легко скатиться к мысли, что все мужики – одно зверье, но мне не хотелось так думать. Поэтому я загнала свои чувства, как джина, в бутылку, и запрятала их подальше, вроде и не со мной это было. Отчасти, это сработало, я забыла то, что было. Знаю, ты не сторонник авторитарной власти, но я всю жизнь буду благодарна, что в ту ночь власть смогла проявить себя.

Мне не понравилось, что она набирает очки за счет лично пережитого ужаса в нашем скоротечном споре о политике. Она заранее отвергнет все, что я ни скажу о властях, не сумевших, в первую очередь предотвратить нападение на нее, и, во-вторых, не уберегших ее от жизни в постоянном страхе. В конце концов, меня там не было; и пострадал не я.

- Мужиков я, в общем, не виню, - сказала она. – С ними приятно. Потанцевать. Заняться сексом, сладким, как с тобой. Просто им нельзя доверять, вот и все.

- Что ты имеешь в виду?

- Это гендерное. Я хочу сказать, все мужики врут. В этом их суть.

- Я не такой.

- Хорошо. Возможно, ты исключение. – Она довольно снисходительно поцеловала меня в лоб и повернулась ко мне спиной.

Пока я искал ответные слова, она уже тихо заспела. Я немного понаблюдал за ней в слабом свете, падающим из вентиляционной шахты, и вернулся к своему первому мнению о ней: еще один, такой же, как и я, потерявшийся и одинокий бродяга. Я свернулся калачиком вокруг ее попки, почувствовал, как она уютно приткнулась ко мне, и погрузился в сон.

Я проснулся в семь утра от шороха одежды Сэнди в полутьме.

- Ты уже уходишь? – спросил я.

- Я должна. Мне надо упаковаться и успеть на поезд.

- погоди. – Я потянулся за ее рукой и показал, что имел в виду.

- О, - произнесла она, - Ну, если так ...

Эпилогом было ощущение, что последние восемнадцать часов мы отмотали назад, как пленку, и снова превратились в незнакомцев, которым нечего сказать друг другу. Она прошла в ванную, и затем стала одеваться.

- Можно я поеду на вокзал с тобой?

- Я не хочу, чтобы ты вообще вылез из постели. – Она наклонилась, поцеловала меня в щеку и прошептала: - Спасибо. Все было прекрасно.

- А твой адрес или номер телефона? Как мне тебя найти?

Она хотела что-то сказать, но передумала. Достала клочок линованной бумаги из

косметички, написала номер телефона и вручила мне. – Ладно, пока, - сказала она и выскользнула в дверь.

Состояние было как после ночи тяжелой пьянки – помню, увлекался этим – только сейчас голова не болела. Но мучило ощущение чего-то упущенного.

Я попытался заснуть, но отвратное состояние души и тела не проходило. Вновь застучал холодный и монотонный дождь. Я надел теплые ботинки, взял зонтик, съел легкий утренний завтрак и отправился на рынок в Порт де Монтрёй, не забыв сунуть в карман, на всякий случай, мини-кассетный магнитофон.

Рынок находился в безликом, сером промышленном квартале на восточной окраине города. В понедельник тут торговали в основном новой одеждой, но если пройти вглубь рынка, то среди старых инструментов и щербатых тарелок всегда можно было найти интересные антикварные вещи и предметы коллекционирования. Хотя для себя лично я этим утром ничего не нашел.

Я никак не мог определиться, возвращаться мне на Вернэзон или нет. Я был уверен, Филипп говорил серьезно, но сколько раз я приходил к таким торговцам, как он, лишь для того, чтобы выслушать неловкие извинения. Сделав круг по рынку, я понял, что едва сдерживаю нетерпение. Чуть ли не бегом, я отправился под дождем к станции метро и спешно с двумя пересадками доехал до нужной станции.

До Вернэзона я добрался в два часа дня. Лавка Филиппа была открыта, но в ней никого не было. Я прождал минут пять, расхаживая по узкому проходу, и собрался уже уходить, когда увидел, как он появился из комплекса с опущенной головой и пакетом ФэдЭкса в руках. Я понял, что момент был угадан точно. Он увидел меня, поднял пакет и улыбнулся.

Я проследовал за ним в лавку. – Прошу извинить, - сказал он. - Я ждал, пока он осторожно распакует посылку, вынет пластинку и восхищенно осмотрит ее. – Все еще запечатана, - сказал он. – Удивительно. – Привычным жестом он потер край альбома о джинсы, вскрыл целлофановую оболочку и застыл, вдыхая аромат винила, картона и клея. Потом поставил пласт на проигрыватель и тщательно протер его. Я попытался представить, как в таком же размеренном темпе он готовит еду, и понял, что в основном он питается вне дома.

Виниловый пласт затрещал, зашипел, ведущий кратко представил исполнителя и Брель запел в собственном сопровождении под гитару. – *Et voila*, - тихо произнес Филипп, затем повернулся ко мне и сказал по-английски: - Огромное спасибо за такой подарок.

- Всегда пожалуйста, - ответил я.

Он вынул очередную каталожную карточку из внутреннего кармана пиджака и протянул мне. Мне понравилось, что он приготовил ее до получения посылки. – Магнитофон мне продал этот человек, - сказал он по-французски. – Вместе с другими вещами. Если хотите, сегодня днем он готов с вами встретиться.

- Спасибо. Очень любезно с вашей стороны. Если можно, скажите, какие другие вещи вы приобрели у него?

- Они уже в основном ушли. Радиоприемник, патефон «Викторола», который купила наша общая знакомая, мадам Би, столовое серебро. У него также была кое-какая посуда и женские платья, которые меня особо не интересовали. Как он мне сказал, его основной бизнес – недвижимость. Время от времени в домах, которые приобретает, он находит вещи и сообщает мне.

- Он не сказал, где нашел магнитофон?

- Полагаю, в одном из старых домов. Владелец, вероятно, умер.

- Вы дом видели?

- Все вещи были в ящиках, в багажнике автомобиля. Скорей всего, он и живет в этом автомобиле. – Он взглянул на меня поверх очков. – Seriously.

В этот момент мимо лавки прошел человек в черном плаще. Не думаю, что это был тот же самый мужчина, которого я видел у мадам Би в субботу, но мне стало не по себе. Поблагодарив Филиппа еще раз, я пожал ему руку и ушел, а он перевел иголку на начало

альбома.

Я позвонил человеку, указанному в визитке, Владу Дмитриеву, с уличного таксофона, перед входом на рынок Вернэзон. Мои нервы были на пределе. Судя по тому, как я оглядывался, люди могли подумать, что я торгую наркотой. Связь с его мобильником была настолько плоха, что мне пришлось убеждать его, что я торговец антиквариатом и не пытаюсь выудить у него признание в чем-то незаконном. Наконец, он согласился встретиться со мной на окраине рынка там, где авеню Мишле выходит на окружную дорогу. Меня будет ждать кремовый Мерседес.

Полчаса спустя в дорожное столпотворение на этом углу - пешеходы, велосипеды, мотоциклы, автофургоны – въехал автомобиль, разрезав это скопище, как кит-убийца. Влад опустил окно и заорал, грозя кулаком, на ораву ребяташек, пытавшихся перебежать ему дорогу. Чуть моложе меня, с длинными волосами, зачесанными назад, и короткой бородкой он был облачен в черный кожаный пиджак, белую выходную рубашку и новые синие джинсы. Влад перегнулся через сиденье, открыл дверцу и жестом пригласил меня сесть в автомобиль.

- Вам куда? - спросил он. – Я подвезу. – Он говорил на французском жаргоне, с сильным акцентом, и я его едва понимал. Усаживаясь, я заметил на заднем сиденье открытую коробку из-под обуви, забитую, кажется, американскими паспортами. На какое мгновение я запаниковал.

- Даже не знаю, куда и ехать, - сказал я. – Думал, вы мне подскажите.

- Рухлядь из старого особняка, и довольно ценная, не так ли?

- Только для коллекционера, - сказал я. Он не угрожал, но к моему неудовольствию я терял контроль над ходом событий.

Он кивнул, и мы выехали на магистраль. – Ладно. Не буду вдаваться в подробности. Пусть этим занимаются такие парни, как вы с Филиппом. Что касается барахла, то я лишь оптовик.

- Это место, что оно из себя представляло?

- Старый жилой дом на Монтмарте. Практически развалюха. Сумасбродная старуха больше не могла содержать этот бордель. Я намерен снести его, и построить офисное здание.

- А старуха жива?

- Жива, но вряд ли будет говорить с вами. Она ненавидит весь мир. Бредит прошлым, которого никогда и не было. Не похоже, чтобы оно было таким великим.

- Вы с ней часто говорили?

- Не то, чтобы очень. Дела, знаете ли. Она говорит, что во время войны это был дом терпимости, где она работала. По-моему, сочиняет.

- Вы говорили с ней о второй мировой войне? – Влад кивнул, как об очевидном факте.

- Мне действительно нужно встретиться с этой женщиной. Я ей заплачу.

- Да ей деньги и на хрен не нужны. Не то, что мне. Так вы говорите, это стоит того?

- Если у вас есть карточка, обещаю прислать вам деньги, если разбогатею на этом.

Поразмыслив, он сказал: - Да, ладно, не надо. Я отвезу вас к ней. Может, она и заговорит. Кто знает?

Мы направились сначала на юг, потом повернули на запад к центру города, петляя, въехали на холм в артистический район Монтмартра, самую высокую точку Парижа. Влад сбросил скорость и, склонившись в мою сторону, показал мне на узкий особняк из красного кирпича, сжатый как в сэндвиче между двумя зданиями. – Вон видите? Один из моих особнячков. Не такой себе ищите, а?

- Извините. Но я тут как турист.

- Ну, может, когда продадите ваше “нечто” и разбогатеете, а?

Крутые, узкие улочки, огороженные сады, парки и лестницы с уличными фонарями гостеприимно манили, лучились историей. Я легко представил, как живу здесь, готовлю ужин, выглядываю из эркерного окна, по стерео звучит Мингус. Может быть, когда отец

уйдет в мир иной, сказал я сам себе.

Мы повернули на вымощенную булыжником аллею и втиснулись на свободное парковочное место. Дом, одна штукатурка с деревом, почти разваливался. Влад провел меня вверх по трем лестничным пролетам, подошел к обшарпанной зеленой двери, одной из трех на лестничной площадке, постучал, подождал, опять постучал. Прошла минута, другая. Казалось, Влад сейчас плюнет и уйдет, но он сказал: - Она там. Проверяет, мы всерьез или так.

Он опять застучал в дверь. Наконец, по ту сторону издали слабо послышалось “*je viens, je viens*”. Дверь, звякнув предохранительной цепочкой, приоткрылась, и голос со смутным разочарованием произнес: - А, Влад.

Сняв цепочку, она приоткрыла дверь, но пока дверь не открылась, я успел сунуть руку в карман пиджака и включить диктофон.

На ней был розовый банный шенильный халатик, полу которого она придерживала рукой, и тапочки “банни”. Ее лицо было разительным – с глубокими морщинами, но настолько чистой кожей, что она выглядела слишком молодой для жрицы любви времен второй мировой войны. Белые волосы, перемежаясь седыми и черными прядями, ниспадали полураспущенной косой на спину.

Мы последовали за ней на кухню. – Мой хороший друг Франсуа умолял меня, познакомить его с вами. Франсуа, это мадам Рошель.

Она взяла мою руку и пристально посмотрела мне в глаза. – Так вы хороший друг Влада? И поэтому, я должна радушно вас принять?

У меня сработало шестое чувство. – Я познакомился с Владом несколько минут назад. И хочу спросить вас о магнитофоне, который он нашел в вашем доме.

Сжав мне руку, она кивнула: - Ладно, Влад. А теперь я поговорю с Франсуа наедине.

Влад замешкался, не веря своим ушам. Затем пожал плечами и вынул визитку из кармана пиджака. – На случай, если разбогатеете, - сказал он. Станным интимным жестом он сжал мне загривок и вышел.

- Проходите, - сказала мадам Рошель. – Если желаете выпить, то чай я для вас найду. – Ее французский был таким же музыкальным, как и у мадам Би, но плавным и с хрипотцой. Что же касается моего французского, он по-прежнему оставался корявым, но по мере практики улучшался.

- Нет, спасибо.

Она провела меня в столовую, где пахло сыростью. Из спальни сюда падал отраженный свет, через тяжелые оранжевые шторы просачивался дневной свет. Она села на одном краю кушетки, выполненной в викторианском стиле, с потертой цветастой обивкой, я сел на другом.

- Говорите, - сказала она.

- Я здесь, потому что Влад нашел в вашем доме старый магнитофон и отнес его на блошинный рынок в Сент-Квене. Магнитофон, в конечном счете, оказался у меня. При нем была проволочная бобина, датированная 18 декабря 1944 года. Вы понимаете, о чем я говорю?

- Нет, но очень интересно. – Что было явной ложью. Закурила сигарету и уставилась в окно мимо меня.

- Полагаю, что на записи слышно, как человека забивают на смерть. Полагаю, что этим человеком является Гленн Миллер, американский музыкант.

- Не очень хороший музыкант и умер он не у меня дома. Военные забрали его обратно Штаты, в Огайо, думаю. Где он и умер в больнице. По крайней мере, так мне рассказал мой друг, доктор.

Кровь ударила мне в уши. Я подумал, что сейчас вырублюсь.

- Я забыла, что мой друг, Луи, включил этот аппарат, - продолжила она. – Он хотел записать великого Гленна Миллера вместе с его оркестром там, в баре, на этой же улице. Но все упились, особенно Миллер, и играли так, как будто у них фоно съезжало с

лестницы.

- Мадам Рошель, можно я запишу этот разговор?

- Зачем?

- Это мое единственное доказательство того, что записано на магнитофонной проволоке. И это делает ее ценной.

- Вы собираетесь продать запись?

- Еще не знаю.

- Хорошо. Записывайте.

Я тайком отключил диктофон, пока вынимал его из кармана. Затем установил его на кофейный столик и сделал вид, что включаю его заново. Мадам Рошель скептически взглянула на меня, убеждаясь, что я ее не дую, но по мне лучше было делать все в открытую.

- Как началась драка? – быстро спросил я. – Кто именно ударил его?

- Это, дорогой мой, длинная история. Что вы знаете о черном рынке Парижа во время войны?

- По правде говоря, ничего.

- Ладно. Тогда начнем с начала. – Она глубоко затянулась сигаретой и поудобней устроилась на кушетке. – Когда в 40-м году пришли немцы, они перевели местное время на час вперед на одно время с Берлином. По утрам стало темно, и каждый день напоминало нам о поражении. Этот час стал первым, но не последним из того, что они у нас украли.

- Сначала все шло не так уж и плохо. За время длительной осады мы порядком оголодали, и когда первые немецкие танки вкатились в город, солдаты швыряли нам шоколад и сигареты. Да, точно также как вы, американцы, хотите думать о себе. Мы тогда полагали, что немцы принесут с собой порядок, но они принесли только *papier timbre* – бюрократию, понятно – и длинные очереди. Они вскормили черный рынок собственной глупостью. Наняли местных поставщиков, которые, конечно, крали все, что только могли. И это происходило именно там, где сейчас располагается ваш блошинный рынок, в Порт Сент-Квене.

- Удивительно.

- Что вы называете совпадением? Это всего лишь пальцы.

Я подумал, что ослышался. – Извините?

Она пошевелила передо мной пальцами. – Вот один палец, вот – другой. Вы считаете, что они разные, но двигает ими одна рука. Понимаете? Ладно. Вы знаете слово *se debrouiller*? Оно переводится, как *сводит концы с концами, справляться*. На этом мы построили *систему С*. Способы сводить концы с концами. Этим занимались все подряд. Сейчас чуть ли не каждый участник Сопротивления, но тогда все было по-другому. Мы делали то, что должны были делать. Воровали, якшались с *блатными*, преступным миром, торговали фамильными вещами, упивались или обкуривались дурью, когда могли, чтоб убить чувство голода. Или становились *collabos horizontales*, проститутками, как я. Проститутками тогда были чуть ли не все.

- Пришли вы, американцы. Но еда так и не появилась. Затем черный рынок взяли под контроль американские дезертиры, и он разросся еще больше. Американские солдаты сбывали товар дезертирам – так Луи достал этот проволочный магнитофон, у американских военных. А Гленн Миллер дружил с полковником Базелем, та еще сволочь. Он возил из Англии самолетами морфий в картонных коробках из-под сигарет, который тырил в Армии.

Имя Базеля мне было, конечно, известно. Он был одним из пассажиров на борту самолета, который исчез, якобы, вместе с Миллером. – Вы хотите сказать, что Миллер был замешан в контрабанде морфия?

- Нет. Но все знали, чем занимается этот Базель. И Гленн, скорей всего, тоже знал. Он любил вещи, которые мог достать только Базель. Выпивку, женщин. Запросы у Гленна

были неумные. И он здорово пил. А знаете почему? Его изнутри что-то гложило. Душой он был великим музыкантом, но снаружи, его тело уже не могло играть так хорошо. Он бы отдал все, чтобы стать Джеком Тигарденом. А жить с желанием стать кем-то другим нельзя.

Мой отец любил Джека Тигардена, и постоянно читал нам лекции о его превосходной технике и умению владеть тромбоном. – Так что случилось в ночь записи?

- Явился какой-то парнишка, совсем молоденький, нервный такой, спросил Базеля, подошел к столику, где тот сидел, вынул пистолет и бабахнул прямо ему в лицо. Гленн сбежал со сцены, вышиб тромбоном пистолет у парня, завязалась драка. Посетители, перепуганные выстрелом, стали разбегаться. Они понимали, сейчас нарисуеться полиция, а многих из них здесь не должно быть. Дезертиры, спекулянты типа Луи. Драку можно было остановить. Но у нас не любили американцев. Они не страдали, так как мы.

Я вспомнил фотографии кровавой бойни на Омаха-Бич и хотел что-то сказать, но она меня оборвала.

- Несколько недель боев не то же самое, что годы страданий, - сказала она. – Многие из них, также как и Гленн с Базелем, никогда не нюхали пороху. Пришли, взяли то, что хотели – женщин, зачастую силой – и посчитали, что мы должны их благодарить за это.

- Что случилось с Миллером?

- Я же говорю, он был страшный алкаш, и в тот вечер был в дупель пьян. Большинство драк, которые я видела, быстро заканчивались, но эта – Гленн обезумел от ярости и слетел с катушек, но, в итоге, парень колотил башкой Гленна об пол. Я, в конечном счете, пыталась прекратить драку, но тут приехала военная полиция и забрала Гленна. Я была уверена, что нас арестуют. Но они, кажется, знали парня, который застрелил Базеля, и он уехал с ними, а нас предупредили, сболтнете лишнее, вам – не поздоровиться.

- Вы хотите сказать, что американские военные замешаны в смерти Базеля.

- Считаю ли я возможным, что армия США хотела, чтобы Базель прекратил тырить морфий, но не хотела публичного суда? А *вы* как думаете?

- Вы кому-нибудь еще рассказывали об этом?

- Однажды, после войны, рассказала одному американцу. Он очень рассердился на меня и заявил, что я лгу. Несколько лет назад меня нашла одна женщина из Англии. Она писала книгу о Миллере, но когда она уехала, я больше ничего о ней не слышала и книги не видела.

- Вы помните, как ее зовут?

- Извините. Я знаю, что для всех вас все это очень важно, но мне как-то все равно. Говорят, что жизнь коротка, но моя оказалось слишком долгой, и я устала.

- Вы не думали пойти в газету, когда прочитали фальшивые репортажи о смерти Миллера?

- Зачем? Когда ваше правительство решается на ложь, то это серьезно. Как и теперь, ваш президент лжет, но с него, как с гуся вода. А Уильсон заводит разговор о лжи, и власти организуют убийство его жены.

Я попытался, как можно вежливее спросить ее, не ошиблась ли она. – Так вы хорошо знали Миллера? Он был постоянным клиентом?

- Когда я говорю о его запросах, то делаю это на основании личного опыта. Он был неплохим человеком. Не таким уж и прекрасным тромбонистом, но аранжировщиком от Бога. С чувством юмора. Верным другом и достаточно храбрым, чтобы броситься на этого парня с пистолетом. Не понимаю вашей страны. У ваших героев не может быть влечений? Вы хотите подвергнуть импичменту Клинтону за секс, но позволяете Бушу красть ваши голоса и надувать страну ради его богатых друзей. Все эти солдатики, которые сражались с Гитлером, должны были быть такими отважными идеалистами, ведущими Хорошую войну. А многие солдаты, с которыми я встречалась, таскали во фляжках вино, и им хотелось знать, с какой стати им надо умирать за глупых французов. Но сейчас вы ничего этого не услышите, как и не узнаете о том, что Гленн Миллер умер пьяным в борделе.

Ваш отец, он воевал?

- На последнем этапе. Он был очень молод.
- Как и многие в конце войны. Просто дети.
- Его часть наткнулась на Дахау.
- Ах, да, лагерь. Американцы натворили там дел.
- *Американцы?*

- Пытали и убивали охранников. Расстреливали пленных немцев из чувства мести. Так как не могли вынести то, что увидели, простые смертные. Как и Гленн Миллер. – Она взглянула на часы. – Думаю, вам пора.

Вот и все. Пару минут спустя я очутился на улице. Голова шла кругом от обилия полученной информации. Не замечая дождя, с магнитофон в одной руке, сложенным зонтиком в другой, я сел на ступеньках ее особняка и перемотал пленку диктофона немного назад, чтобы убедиться, что рассказ записан. Запись прошла нормально. Звучала громко и четко.

- Ну и ну, - вырвалось у меня.

Я положил диктофон обратно в карман, открыл зонтик и зашагал прочь. Начинало темнеть. Дойдя до конца квартала, я очутился на Рю Ламарк, спустился по ней к подножью холма мимо непорочно белых куполов и башен Сакре Кёр, затем по длинной лестнице до Пляс Сен-Пьер.

Это была находка всей жизни. Теперь мне надо решить, что с ней делать. Первая мысль - не торопиться. Разослать по электронной почте письма избранным коллекционерам с извещением о моей находке. Запустить по сарафанному радио искру безумия, которое, несомненно, последует.

Рассказ мадам Рошель вызвал много разных эмоций. Но главным было ощущение триумфа. Я долго ждал этого и не собирался портить дело.

Мой рейс был в среду, утром. Я провел вторник в музее Родена и на выставке Густава Моро в музее Романтической жизни. Затем купил несколько подарков в большом универсаме Printemps, в том числе ожерелье для Анны с иконками Девы Марии в русском стиле. Настроение у меня изменилось. Меня раздувало от собственной значимости. На меня никто не обращал внимания, но люди просто не знали о тайне, которой я владел.

Позже, когда уже опустился вечер, я прогулялся по кварталу Пигаль. Именно сюда приезжал Гленн Миллер, чтобы отвести душу. С 1944 года квартал, конечно, изменился. В Мулен Руж теперь ставились представления в стиле шоу-с-ужином а ля Лас-Вегас. Обнаженные красотки с перьями, натканными в прически, вытанцовывают перед туристами, завозимыми полными автобусами. Магазины забиты секс-игрушками и подарками с шутовскими секретами. Но проститутки и живые секс-шоу остались, а по ночам в квартале, подняв воротники пальто, бродят одинокие мужики, .

Я вернулся в отель около семи вечера, чтобы позвонить отцу. В холле меня остановил дежурный администратор. – Месье, днем вас искал мужчина. Он оставил записку.

Записка была написана от руки, на английском языке. – Необходимо срочно переговорить с вами. Прошу позвонить мне сразу, как прочтете записку, независимо от времени. – Дальше шел местный телефон и имя, Дэвид Смит.

Я набрал номер. Нервозность переросла в страх. Я перебирал в памяти всевозможные варианты: паспорт в порядке, деньги на кредитной карточке есть, ничего предосудительного я не совершил.

Ответил женский голос. Я себя назвал, она тут же сменила английское произношение на бесцветный американский акцент. – Мистер Смит ждет вашего звонка. Подождите, пожалуйста.

Когда трубку взял Смит, он тоже заговорил в манере американского диктора новостей. – Мистер Делапорт. Спасибо, что позвонили. Если у вас найдется сегодня полчаса, у меня есть информация, которая заинтересует вас.

- Вы хотите что-то продать?

- Напротив. Вам известно, что такое донесение о пропавшем без вести лётном экипаже? Например, если во время второй мировой войны при перелете с английского сельского аэродрома в Париж пропал самолет, то оформлялось такое донесение, сокращенно ДОПЛЭ. Я вас заинтересовал, мистер Делапорт?

- Да, да, я понял.

- Я могу подъехать к вам в отель через двадцать минут. Хорошо?

- Думаю, что да...

- Отлично. До встречи.

Я отнес покупки в номере и умылся. Да, мне хотелось просмотреть донесение о без вести пропавшем Гленне Миллере, но как незнакомец узнал об этом?

Я ждал его в холле. Он подъехал ровно через двадцать минут после того, как я повесил трубку. Лет сорок. В дорогом, сшитом на заказ сером костюме. Прическа и осанка выдавали военного. От него исходила скрытная властность на грани самоуверенности с устрашением.

Твердо пожав мне руку, он сказал: - Где мы можем поговорить?

- Мой номер слишком тесен, - сказал я. Как ни смешно, но мне не хотелось оставаться с ним наедине.

Он кивнул в сторону обитой красным вином скамейки в дальнем конце холла. - Надеюсь, это место подойдет. Разговор будет не долгим.

Мы сели. Он открыл конверт из оберточной бумаги, который принес с собой, и вынул страничку факсового сообщения на простой копирке. - Ознакомьтесь, но только здесь. Не могу дать копию или позволить сделать заметки. Когда прочтете, я заберу документ с собой.

Документ был размытой мимеографической копией оригинала. Вверху было напечатано "ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ". Далее следовало "ДОПЛЭ № 10770". Заголовок гласил: "ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО/ШТАБ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ/ВАШИНГТОН". Я пробежал глазами донесение, в котором перечислялись приказ, эскадрилья, пункты вылета и назначения. Дата: 15 декабря 1944 года. В пункте 10 указывались лица на борту самолета: Джон Морган, пилот; и пассажиры: подполковник Нормал Р. Базель и майор Олтен Г. Миллер.

Наиболее интересным был пункт 5: "САМОЛЕТ ИСЧЕЗ ИЛИ СЧИТАЕТСЯ ИСЧЕЗНУВШИМ В РЕЗУЛЬТАТЕ". Подпункт "Другие обстоятельства, как указано ниже" был отмечен крестиком. Далее следовало пояснение: "Случайно сбит при вхождении в зону аварийного сброса бомб над проливом Ламанш".

Я снова прочитал весь документ. - Вы серьезно?

- Самолет "Норсман", на котором майор Миллер летел как пассажир, случайно вошел в зону над проливом Ламанш, которая использовалась для сброса неиспользованных авиабомб. Несколько свидетелей на борту одного из бомбардировщиков уверенно опознали "Норсман".

- Это байка Фреда Шоу, растиражированная таблоидами в 80-х годах. И в ней масса нестыковок. Никто не откликнулся, сигнала бедствия не было, обломков не нашли...

- ДОПЛЭ тоже отсутствует. По крайней мере, для широкого пользования. Моральный урон был бы страшным, выйди правда вышла наружу, пока наши парни вели бои.

- Полагаю, это фальшивка. Хотя бы по причине того, что отчество Базеля начиналось не на букву "Р".

- Не обижайтесь, г-н Делапорт, но это уже паранойя. Машинистка вместо буквы "ф" стукнула по букве "р". Обычная опечатка.

- Если это так, то почему не признаете сейчас?

- Если бы это зависело от меня, то признал бы. Но военные довольно упрямый народ и не желают признавать свои прошлые ошибки.

Потому что и сейчас заматают следы, подумал я. Но из опасений промолчал.

- Важно понять, - сказал он, изобразив сочувственную улыбку, - что все услышанное

вами просто ложь. Например, ходят слухи, что он был убит, немало и других рассказней о нем. Но все и так понятно, это был несчастный случай. Ему просто не повезло.

- Вы обвиняете меня в паранойе, но как мне рассматривать ваше появление? Кто вы такой? На кого работает? Откуда вы узнали, что я расследую обстоятельства гибели Миллера? Кто вам сказал обо мне?

- Извините, г-н Делапорт. Я сказал вам все, что мог. – Он спокойно забрал у меня донесение и положил его обратно в конверт. – Должен сообщить, что по образованию я юрист, а у майора Миллера и полковника Базеля еще остались родственники. В случае намеренного распространения вами клеветнической информации о каждом из них, вы будете втянуты в тяжкий судебный процесс с соответствующими последствиями для вашего имущества.

Смит, или как его там, встал. – Надеюсь, эта информация оказалась вам полезной, - сказал он. – Желаю хорошего отдыха.

У меня пропал и сон, и аппетит. В потемках я сидел в своем номере и перебирал в памяти все моменты, начиная с моего прибытия в Париж. За мной следили? Кто были эти люди в плащах на рынке Вернэзон? Никто из тех, кто имел отношение к проволочному магнитофону – ни Филипп, ни Влад, ни мадам Би или Рошель – не знали, где я остановился. Кто-то читал мою электронную почту?

И что мне теперь думать о Миллере? Мадам Рошель выглядела полностью убедительной, но у нее были свои политические пристрастия, и единственным подтверждением ее слов была катушка с магнитной проволокой, которая сейчас лежала в банковском сейфе в Серверной Каролине. Если запись сделал кто-то другой, а не Миллер, или раньше указанного срока, ее рассказ - полная выдумка. Что касается “Дэвида Смита”, допустим, он военный, но и у него есть свои мотивы лгать. Офицеры американской армии, вовлеченные в торговлю наркотиками; армия, берущая под контроль черный рынок – это гораздо хуже, чем попасть под бомбы родной авиации.

Но мне не давала покоя мысль о предательстве. Меня подставил тот, кто был рядом со мной последние четыре дня.

Надо было что-то делать. Я позвонил в свою авиакомпанию и, переплатив, перенес рейс на пятницу – с вылетом из Лондона.

Сразу после полудня парижским поездом я прибыл на станцию Ватерлоо. Из платного таксофона позвонил по номеру, который мне дала Сэнди, и попал на пожилую женщину в цветочном магазине, которая никогда не слышала ни о Сэнди, ни о похожей на нее женщине. – Не печальтесь, дорогой, - сказала она. – Вы еще найдете себе женщину, уверяю вас.

Меня уже разбирало не столько удивление, сколько любопытство, как далеко зашел обман. Проехав на метро две остановки до Чаринг Кросс Роуд, я вышел с чемоданом на колесиках на запруженную народом Оксфорд Стрит и прошел до универмага “Марк и Спенсер”. Там я нашел отдел косметики, и хотел уже спросить продавца о Сэнди, когда увидел ее. При моем виде на ее лице промелькнула тень паника. Я подошел к ней, увидел на ее именном значке имя “Маргарет” и спросил: - Так как тебя зовут: Сэнди или Маргарет?

- Тише, пожалуйста. Прошу тебя. Маргарет.

- Ты чего так испугалась?

- Пожалуйста, сделай вид, что ты выбираешь что купить. Меня здесь все знают. Я не хочу лишних вопросов.

Я взял губную помаду, снял колпачок и провел красную линию на куске бумаги. – Каких вопросов?

Опустив глаза, она прошептала: - У меня есть парень. Его все знают. Если до него дойдет слух, что какой-то обаятельный мужчина в возрасте приходил по мою душу, он мне точно устроит скандал.

Я подумал, что “обаятельный” звучит неплохо. – Нам надо поговорить.

- Не здесь. Через пятнадцать минут у меня ланч. Я буду ждать тебя внутри главного входа в магазин грампластинок “Хиз мастерз войс” через улицу, напротив.

- Хочешь кинуть меня, да?

- Я приду. Через пятнадцать минут. Обещаю. А теперь уходи, ладно?

Я незаметно вошел в главный вход огромного магазина грампластинок, и, не глядя на Оксфорд Стрит, посмотрел на часы. Я понимал, что, если она решит, то может легко выскользнуть в толпу и раствориться в ней. Поэтому с огромным облегчением увидел, как она торопливо идет по тротуару.

Я вышел ей навстречу, и она сказала: - Давай, пройдемся. Не хочу, чтобы нас здесь видели.

Мы направились на запад в сторону Тотенхем Корт Роуд. – Итак, твой дружок довольно буйный тип, да?

Она довольно долго шла молча, и, наконец, ответила: - Да.

- Так это он нанес тебе шрам?

- Нет, тот случай – правда.

- Ты когда-нибудь работала над книгой о Гленне Миллере? Брала интервью?

Она искоса взглянула на меня, как бы оценивая мое душевное состояние. – Нет.

Остался самый неприятный вопрос. – Ты с кем-нибудь говорила обо мне? В Париже или здесь? С кем-нибудь, вообще, с подружкой, незнакомцем, полицейским?

- Нет. Это моя тайна. – Она остановилась и вызывающе посмотрела на меня. – Все, что я тебе рассказала правда, за исключением моего имени и номера телефона, который ты выудил у меня.

- Ты не говорила мне о своем “парнише”.

- А ты и не спрашивал. Ты только предположил. – Она опять зашагала. – Ты мне дал то, что мне нужно было. Может со временем это придаст мне смелости изменить мою жизнь. Но поведай я ее кому-либо и она больше не будет моей. Я не хочу делиться этим ни с кем.

Ее каблочки стучали по бетону, как будто тикали огромные часы. – Как это все произвольно, не так ли? – Вдруг сказал я. – И кому теперь верить? Что это – принуждение, привычка или заблуждение.

- Так ты мне не веришь? Ну, я тебя не виню.

- Да, нет, почему. Верю.

- Мне действительно жаль, – сказала она. – Я не думала снова увидеть тебя.

Спустя минуту я сказал: - Я тебе тоже лгал. Говорил, что не обманываю? А я обманывал. Незадолго до развода у меня была интрижка. Я ненавидел ложь, но поддался сексуальному влечению, по крайней мере, на какое-то время. С любовницей я все же порвал и поклялся больше таких связей не заводить. Пытался спасти свой брак, но не получилось. И развелся.

- Да, какое это имеет значение. Я хочу сказать, что в данных обстоятельствах, с моей стороны было бы лицемерно жаловаться, верно? – Она протянула руку и взлохматила мне волосы. – Ты для этого и приехал? Исповедоваться?

- Вчера вечером в Париже произошло нечто странное. Ничего не могу сказать, но я должен был разузнать о твоём участии в этих делах. Увидеться с тобой, посмотреть тебе в глаза, узнать наверняка.

- Ну и как?

До этого момента мне это даже в голову не приходило. Но тут меня осенило, и я понял – это неизбежно. – Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня. Ты можешь завтра взять больничный?

- Я только что вышла из отпуска.

- Скажи, что в Париже ты кое-что подхватила.

Она рассмеялась, потом опять стала серьезной. – Послушай. То, что было в Париже ...

- Я про другое. Мне нужно съездить на заброшенный аэродром, примерно в 50 милях на север отсюда. Он называется Твинвуд Фарм.

Я позвонил отцу и сказал ему, что мой график меняется. Остальную часть дня я посвятил аренде автомобиля, поискам самого дешевого отеля и поработал в Британской библиотеке. Следующим утром Маргарет пришла ко мне в отель в джинсах и свитере. При ее виде меня охватило непреодолимое желание.

Из Лондона мы выехали по М1 на север, затем свернули на М6 в сторону Бедфорда. Меня одолевали разные мысли, говорить ни о чем не хотелось. Маргарет щебетала о своем друге, работе, как ей завидовали подружки, что она съездила в Париж. А я был ей благодарен, что она меня отвлекала.

В городке Оукли я остановился у почты и спросил мужчину лет шестидесяти, слышал ли он о Твинвуд Фарм. – Шутишь, сынок, - ответил он. – Кто ж это место не знает. Там этим августом проходил фестиваль имени Гленна Миллера.

Мы последовали его указаниям. Направились прямо на восток, через крошечную деревушку Оукли, и выехали на хорошее гудронированное шоссе. Миновав редкий лесок, восстановленные ангары и служебные постройки, мы очутились прямо у контрольной башни, двухэтажного куба из кирпича, раскрашенного широкими вертикальными рыжевато-оливковыми камуфляжными полосами. Я припарковал машину перед башней и мы вышли на холодный ветер. Маргарет подошла к зданию и заглянула в окна. – Тут что-то вроде музея, - прокричала она. И прочитала на мемориальной доске: «...открыт 2 июня 2002 года... в честь майора Олтена Гленна Миллера, вылетевшего с этого аэродрома в свой последний рейс 15 декабря 1944 г.»

Спустя некоторое время она, кутаясь от холодного ветра, вернулась к автомобилю, где стоял я. – Не хочешь взглянуть?

- Я думал, тут хоть что-то от него осталось, - пояснил я. – Но опоздал. Миф взял свое.

- Людям нужны мифы.

- Нам нужна правда. Но взамен получаем сплошную развлекаловку. И всем плевать.

- Ну, тебе же нет, - сказала Маргарет. – Этого не достаточно?

Я довез Маргарет до станции метро рядом с агентством по прокату автомобилей. На этот раз мы обменялись настоящими номерами телефонов, но я сомневался, воспользуемся ли мы ими. Этой ночью я плохо спал и совсем не спал во время долго, очень долгого перелета обратно в Штаты.

Из аэропорта я поехал прямо в больницу и застал Анну и отца за просмотром новостей. Отец, увидев меня, тут же выключил телик. Анна хотела возразить, но передумала. Обняв обоих, я вручил им подарки, мы немного поговорили о перелете, о здоровье отца, о бурде, которую он только что съел.

- Итак, - наконец произнес отец. – Как твои поиски вчерашнего дня?

Я сел на краю кровати и взял его за руку. – Я нашел ту, которая подтвердила, что на пленке записан Миллер. То, что ты слышал – шум драки, во время которой его убили. Убил тот, кто работал на армию США. – Видимо еще в воздухе над Атлантикой я принял решение кому верить.

- Французам нельзя доверять. Они все коммунисты. – Он улыбнулся, как будто шутил.

- Я хочу кое о чем спросить тебя, пап. Расскажи мне о Дахау.

- Там было ужасно. Ты видел фотографии. И мои рассказы тебе ни к чему.

- Мне очень хочется услышать об этом от тебя. Расскажи, что ты там делал.

И тогда он понял, что я уже все знаю, и что не отстану от него. – Мне не очень хочется говорить об этом, - произнес он кротко.

- Френсис? – окликнула Анна.

Я отмахнулся от нее. – Я кое-что разузнал в Париже, а затем еще и прочитал в лондонской библиотеке.

Мой отец ответил: - Я не должен –

- Мы должны прекратить притворяться, что все так просто, папа. Черное и белое, величайшее поколение и ось зла. Мы должны нести ответственность за то, что делаем, и говорить об этом правду. Можем начать прямо сейчас.

Я продолжал на него смотреть, пока он не отвел взгляд. – Анна, - сказал он, - оставь нас на минутку.

Она хотела встать, но я сказал: - Пусть она останется.

Я чувствовал ее взгляд затылком. – Френсис, ты думаешь, что делаешь?

- Садись, - сказал я ей, не отводя взгляда от отца. – Папа, расскажи мне, что ты делал?

Он лежал неподвижно так долго, что я испугался, не разбил ли его из-за меня очередной паралич. Но тут по его щекам потекли слезы. – Я никому еще не рассказывал этого, - сказал он. – Никогда.

- Давай, - сказал я. – Мы любим тебя. И будем любить, чтобы ты ни сказал.

- Не знаю. Не знаю, все возможно.

Я ждал.

Он вздохнул и сказал: - Это был не лагерь смерти, как концлагеря Аушвиц. Эти лагеря находились в Польше. Дахау же был рабочим лагерем. Разница вроде не большая. Просто в нем заключенные оставались живыми дольше. Более или менее живыми. Ты видел фотографии. Вы всю свою жизнь знаете об этом. А мы нет. Большинство из нас были еще пацанами, которые выросли в нормальном, вменяемом мире. Пока мы не пришли в этот лагерь, мы не понимали, за что воюем в этой войне, если уж на то пошло. Мы считали, что просто разгребает чье-то дерьмо. Мы знали, что немцы жестоки и бесчеловечны, но не были готовы к тому, что увидели там.

- Мы чокнулись, все подряд. На этих истощенных, доведенных до животного состояния людей, вернее, на то, что от них осталось, нельзя было смотреть без содрогания и ненависти. Без слепящей, кровожадной ярости.

- Ты расстрелял охранников, - сказал я.

- Выстроил в одну шеренгу и расстрелял.

- Без суда.

- Без суда, без вопросов, без ничего. Но это было не самое худшее.

- Говори, пап.

- Нам пришлось обыскивать все бараки. Я был в паре с одним парнем, евреем из Бруклина. Здоровый такой бугай, по имени Шломо. Мы нашли одного охранника, спрятавшегося в сортире. Шломо сказал мне поддержать его там и ушел. А вернулся...вернулся с одним заключенным. Мы раздели охранника догола и ... – Отец запнулся.

- Продолжай, - сказал я и сжал его руку.

- И дали заключенному штык. Я тогда не выдержал. Но Шломо остался и продолжал наблюдать.

Отец вздохнул и закрыл глаза. – Позже он рассказал мне, что там было. Заключенный ...сначала кастрировал охранника. Затем выколол ему глаза, сначала один, потом другой. Затем стал его колоть, все быстрее, снова и снова. Пока, наконец, охранник не завизжал, потом они завизжали оба, потом все трое. Я стоял снаружи и все это слышал.

Отец открыл глаза. – Мне плевать на охранника. Никакие пытки или наказания не сравнятся с тем ужасом, что он вытворял. Но я не могу простить себе того, что допустил превращения того несчастного заключенного в убийцу. Получилось так, что я забрал у него последние остатки порядочности.

Я обнял отца и дал ему выплакаться. – Ты маме рассказывал об этом?

- Нет, - ответил он. – Она бы...

- Говори.

- В один прекрасный день, годы спустя, когда я меньше всего ожидал бы этого, она использовала бы это против меня.

- Никогда, - прошептала Анна сквозь зубы. – Она бы никогда этого не сделала.

Я медленно отпустил отца, пару раз погладил его по лбу и повернулся к Анне. – Нет, Анна. Сделала бы. – Анна пронзила меня ненавистным взглядом. – Пять лет я не вмешивался и позволил тебе сделать из нее писаную святую. Каждый раз, когда мама

пугалась – как после тех шумных ссор с воплями и криками, которые происходили у них с отцом – помнишь? – она превращалась в безучастное, жестокое и злобное существо. И ты знала об этом. Вот как сейчас ты превращаешься в нее, а я этого терпеть не могу.

- Убирайся, - прошептала Анна. – Убирайся к чертям собачьим отсюда.

- Не дождешься. Ты прогнала меня от смертного одра мамы, но сейчас у тебя это не получится.

- Ты не умеешь ухаживать за людьми, Френсис. Ты слишком избалован и самолюбив. И таким сделали тебя мы с мамой, не без помощи Бога, предоставляя тебе все, что ты хотел.

- У меня нет всего того, что я хотел, - медленно сказал я. – И никогда не было. Брак отца с мамой был не идеальным. Мы с тобой не идеальные дети. Никто из нас не идеален.

Гнев переполнял ее настолько, что она не могла говорить. Резко вскочив с кресла, она выбежала из палаты.

- Какая она обозленная, - сказал отец. – Никогда не понимал этого.

- Смерть мамы тяжело отразилась на ней.

- Да, на мне тоже. – Мы немного посидели молча, затем он спросил: - Что будешь делать с этой записью?

- Организую публичное прослушивание. Начну с *Вашингтон Пост*. Если там не захотят написать о ней, пойду в *Нью-Йорк Таймс*, буду пробивать это дело. Выложу запись в Интернете, раздам прохожим на улице. Если на меня подадут в суд, тем лучше. История должна получить огласку. Это важно.

-Хорошо, - сказал отец.

В Париже было уже за полночь. Мне страшно хотелось спать. – Тебе телик включить? – спросил я отца.

- Было бы неплохо.

Я уснул в кресле почти моментально, а когда проснулся, в палате было темно и тихо. Я подошел к окну и немного понаблюдал за звездами. Отец всхрапнул и перевернулся на другой бок. – Фрэнк? – спросил он полусонно.

Я сел рядом с ним и коснулся его плеча. – Здесь я, здесь.